

Отцу моему посвящается

"На той войне" (Коренблит – Кочетков)

1. Я напрягаю слух	– 4.02
2. Далёкий свет	– 2.03
3. Любовь-шутиха	– 3.17
4. Третьяковки нарядной судьбы	– 1.24
5. Железные осколки	– 1.35
6. Последний самый час	– 3.15
7. Воспоминание	– 1.42
8. Юность моя победила!	– 1.58
9. Душа России	– 1.45
10. Испытания войной	– 2.07
11. Победа	– 2.19
12. Кукушка	– 2.36
13. Открытие России	– 1.09
14. Мир начинается	– 2.53
15. Главная награда	– 2.23
16. Не сдавая позиций	– 1.18
17. По сердцу матери	– 1.53
18. Три сына было	– 2.12
19. Гляжу все пристальней	– 0.55
20. Тема войны	– 1.34
21. На той войне	– 2.33

Общее врем я звучания – 45 03

СОДЕРЖАНИЕ

1. Я НАПРЯГАЮ СЛУХ

Осенний березняк постанывает глухо.
 Волнение летних бурь как будто улеглось.
 Но все же чей-то крик нет-нет да ловит ухо,
 Короткий странный крик, пугливый, словно лось.

Я напрягаю слух, я тороплюсь взглядеться
 В белесый полумрак, сползающий к реке.
 Такой же точно крик слышал я в давнем детстве,
 Такой же точно крик в ночном березняке.

И кто кричал тогда, и кто кричит сегодня?
 Зовет ли кто меня?— вовек мне не узнать.
 И лишь глухой приборю окатывает сходни,
 И ночь спешит в туман реку запеленать.

А холод из низин течет, как сок давлен.
 И соком тем уже поляны налиты.
 Захотел и смолк неосторожный филин,
 И осторожный волк провыл из темноты.

О память, я твоим вниманьем не обижен.
 Но детству ль уцелеть в заветном том углу?
 Я думал: мир его дотла войною выжжен.
 А он, гляди, ростком пробился сквозь золу.

Береговой тропой вышагиваю молча.

На опади сухой уже роса горит.
И миром дышит мир. И даже песня волчья
О давнем и родном мне ныне говорит.

И молодой ивняк зашелся в мелкой дрожи,
И красный светофор мигает вдалеке.
И падает звезда. И тишину тревожит
Короткий странный крик в ночном березняке.

2. ДАЛЁКИЙ СВЕТ

Пестрели дни, как гуси на лугу.
Но где они, куда успели деться?
На том, на довоенном берегу
Холстяной сумкой машет наше детство.

У памяти глаза еще остры.
Она глядит в былое без опаски:
В степной ночи багрянятся костры,
Вкруг них сидят притихшие подпаски.

С тех луговин темнеющих повей,
От тех костров неразличимых брызги,
Студеный ветер юности моей,
Далекий свет первоначальной жизни.

Не переплыть, не перебраться мне
На милый берег в отчие хоромы.
Паромщики погибли на войне,
На дне войны покоятся паромы.

3. ЛЮБОВЬ-ШУТИХА

Были когда-то и мы молодыми.
Песня играла па влажных губах.
Птицей летел в послезоревом дыме
Выцветший ситец нательных рубах.

На вечеринках куражились шумно,
Пыльными клешами улки мели.
Старые риги да старые гумна
От соглядатаев нас берегли.

С гиком летели в сверкающей пыли
Белой зимою на белом коне.
Были когда-то... Были, да сплыли...
Даже не сплыли — сгорели в огне.

Вечером выдь в луговое поречье,
Чуешь — печаль затаилась во мгле.
Это любовь дожидается встречи
С милым, которого нет на земле.

Ходит по лугу любовь-неутеха,
В черном платке, ниспадающем с плеч.
Ловит губами забытое эхо,
Давнее эхо полуночных встреч.

4. ТРЕТЬЯКОВКИ НАРОДНОЙ СУДЬБЫ

В сотый раз уже просишь:

— Взгляни ты. Как затейлива эта резьба! —

Но совсем не резьбой знаменита

Деревенская наша изба.

Нет в России ни дома, ни хаты,

Где б ни глянул на вас со стены

Молодыми глазами солдата

Окрыляющий подвиг войны.

В окантовках из белой бумаги

Обживают простенки избы

Фотовыставки русской отваги,

Третьяковки народной судьбы.

Здесь одним полотенцем повиты

И деды, и отцы, и сыны,

И потери царицынской битвы,

И победы берлинской весны.

5. ЖЕЛЕЗНЫЕ ОСКОЛКИ

Белоголовый сип

Летит на свет заката

Над медленной рекой,

Над красною водой.

Вот здесь они лежат,

Ровесники-солдаты,

За черствой и седой

Холмистою грядой.

Под каменной плитой

Лежат они в поселке

На самом берегу,

На глинистом краю.

А те, что их прожгли,

Железные осколки

Летят, Летят, Летят,

Летят сквозь жизнь мою.

6. ПОСЛЕДНИЙ САМЫЙ ЧАС

Последний самый час, не тронутый войной.

В народе он не зря беспмятным зовется. —

Когда объято всё тишайшей тишиной,

которая вот-вот со всех петель сорвется.

Когда еще трава не выстыла в росе

и темнота ещё не обдышала окна.

Молчит угод во ржи и перепел в овсе,

и даже дрожь осин неожиданно приумолкла.

Когда уже кружит над целью самолет,

свой черный силуэт печатая на сини.

Через минуту-две, как перезрелый плод,

обрушится беда на голову России.

Тот час, когда война уже расчехлена,
уже наведена — и только ждет ракеты.
И спит моя земля, и спит моя страна,
и спит моя судьба в молочной мгле рассвета.

Через минуту-две от бомбовых огней
взорвется тишина и разлетится в клочья.
И с небом голубым, и с юностью своей
Отечество моё Простится этой ночью.

Как чаша, до краев мир тишиной налит,
и небо пьет её шершавыми устами.
Но где-то тонкий писк ту тишину сверлит —
проснулся телефон начальника заставы.

А березняк промыт прохладной белизной.
А ветка бузины легко стучит о раму.
Последний самый час меж миром и войной,
когда заря горит, как кровь из первой раны...

7. ВОСПОМИНАНИЕ

Ракетами сумрак исчеркан,
И звезды горят не сгорая.
Деревня справляет вечерки
В версте от переднего края.

Под звуки трофейной гитары
За глыбой сожженного танка
Четыре медлительных пары
Танцуют бразильское танго.

Девчонки частушкой подразнят
И снова усядутся чинно.
В счет мира коротенький праздник
В займы у войны получили.

Солдатик дурачится: «Пани,
Пройдитесь с разведчиком, прошу!»
(А фронт все молотит цепами
За дальней березовой рощей.)

Другой и словца не обронит,
Немея под девичьим взглядом.
А завтра его похоронят
Вон там, у дощатой ограды.

И лишь гитаристу отмерит
Судьба еще целых полгода.
Далеко тот вислинский берег,
Где рухнет он в черные воды.

Где рухнет он в черные воды, —
Последний из первого взвода.

8. ЮНОСТЬ МОЯ ПОБЕДИЛА!

Всё жарче в железные игры играя,
до Волги дошла мировая вторая.

В кичливых залах мышинных пилотов,
под лающий покрик ефрейторских глоток,
на танках, на волнах бензинного смрада
дошла, докатилась до стен Сталинграда.

И были у этой проклятой войны
и щеки красны, и подсумки полны.

И страсть неумная топать да топать
и втапывать все, что еще не втоптала.
И тысячелетний разбойничий опыт,
и тысячетонная ярость металла.

И горы трофеев в армейских возах,
и злое презренье в арийских глазах.

И тут на смертельную схватку с врагами
(а время не ждало, а месть торопила!)
в стрелковый окоп на приволжском кургане
глазастая юность моя заступила.

И были у юности этой моей —
винтовка, да штык, да в кустах соловей.

И встала она против черного вала,
из школьного класса в сражение шагнула.
Бескровные губы пылью обметало,
мальчишеский чубчик грозой принагнуло.

Казалось, небесные рушились своды,
земля ходуном под ногами ходила.
И плавилась камни. И дыбились воды.
И юность... и юность моя победила!

9. ДУША РОССИИ

Волга, Волга — Душа России.
Русской славы Строка заглавная.
Много равных тебе По силе.
Но по мужеству Есть ли равные?

От валдайских Ключей-истоков
Шеломами ратников Запита,
То Запад спасала ты От Востока,
То Восток Заслоняла от Запада.

Бой вскипал У крутых прибрежий.
Гарь несло На поля осенние.
Вспахан бомбами Волжский стрежень,
Плёсы Смертным свинцом засеяны.

Враг Ни капли твоей не отнял.
Хоть ордою несметной Жаловал...

Лениво качает Песчаная отмель
Немецкую каску ржавую.

10. ИСПЫТАНИЯ ВОЙНОЙ

Всё пришлось испытать на войне:
Счастье боя и тяготы плена.
Как по беглой мишени, по мне
Конвоиры стреляли с колена.

В память врезаны ночь и гроза,
Просверк молний, тревожен и ярк,
И слепые от злобы глаза
Караульных немецких овчарок.

Нет, из сердца не вытравить мне:
Как терял я последние силы,
Как река на высокой волне
От погони меня уносила.

Плавня скрыла меня в камышах,
От ищеек надежно упрятав.
До сих пор еще стынет в ушах
Та смертельная дробь автоматов.

Как звереныш в таёжном долу,
С листьев слизывал капли росы я;
Сквозь ночей непроглядную мглу
Продирался к тебе я, Россия.

Синим стеклышком вспыхнул Донец.
Здравствуй, родина! Снова мы вместе.
Он вернулся, твой русский юнец,
Твой солдат, пропадавший без вести.

Тень тревоги легла меж бровей,
Горький шрам прочертил переносье.
Он не жалости просит твоей —
Твоего он оружия просит.

11. ПОБЕДА

Майский полдень лучист.
Над Берлином затихла гроза.
И пришла тишина
Настороженно-чуткая Следом...
Тот, кто видел её,
Кто тогда заглянул ей в глаза,
Тот навеки запомнил
Черты долгожданной Победы.

Пусть весь город в дыму.
Разве можно ее не узнать!
Через пепел и камни
В простой, запыленной одеже
К нам шагала она —
Поседевшая мудрая мать,
Та, что нас родила,

Та, что всех нам родней и дороже.

Нет, ее не согнула,
Ее не сломила гроза.
Только стала лицом она
Строже за годы разлуки.
Мы глядели в ее молодые,
Как прежде, глаза.
На ее потемневшие,
В ссадинах, руки.

— Здравствуй, мать!..—

Где-то в горле застряли слова.
По щекам потекли
Столько лет береженные слезы...
А за ней распахнулась
Родимых небес синева...
И на дальних пригорках
Под ветром качнулись березы.

12. КУКУШКА

Весь просвечен заревой покой,
Степь о чем-то о своем мечтает.
Серая кукушка за рекой,
Сколько жить осталось мне, считает.

Льнет, как паутина, к пиджаку
Стебелек багульника примятый;
Я ловлю ленивые «ку-ку»—
Долголетья зыбкие приметы.

Вторит им качанием кустов
Вся в рябинах тихая опушка...
Восемьдесят... девяносто... сто...
Что-то ты расщедрилась, кукушка.

Тратили мы силы не скупясь.
Жили безоглядчиво и пылко.
Дни свои не пряча про запас,
Как монеты мелкие в копилку.

Шествует победа по стране, —
Думаешь, легко она досталась?!
Нам пришлось растратить на войне
Годы, что отпущены на старость.

Так что ты, вещунья, погоди
Мне дарить чужую долю чью-то.
У солдата вечность впереди, —
Ты ее со старостью не путай.

13. ОТКРЫТИЕ РОССИИ

Нас именем России
В атаки поднимали.
Но если б нас спросили:
Что про нее мы знали!

Две-три ее деревни,
Да городок поглуше,
Да сказку о царевне,
Да песню о Катюше.

Сведенные в дивизии
Крестьянские парнишки,
Мы всю Россию видели
Покуда только в книжке.

Там на одной странице
Сумели уместиться
И все ее столицы,
И все ее границы.

Россия ж настоящая
Лежала за окопами —
С неведомыми чащами,
С нехожеными тропами.

С московским многолюдьем,
С уральским многотрубьем,
С Полесьем и тайгою,
С весельем и тоскою.

Сначала мы спасли ее,
В бою отвоевали,
И только после этого
Россию открывали.

14. МИР НАЧИНАЕТСЯ

Стихли знобящие ветры беды.
Молот войны отгремел, отработал.
Льется тонкая струйка воды
из остывающего пулемета.

Долго ещё, под руинами прячась,
будет бродить одичалое эхо.
Мир начинается с вдовьего плача.
Мир начинается с детского смеха.

Мир — это шелест листков и листьев,
мир — это шорох колес и колосьев,
мир — это ярость косы и кисти,
мир — это яркость проспектов и просек.

Мир начинается с запаха стружек,
с первого взмаха лопаты и кельмы.
Мир начинается с выпитых кружек:
— За новоселье! За новоселье!

Полною мерой испили мы лиха
в долгих походах, в окопах, в атаках.
Мир — это запах свежей олифы,
мир — это солнца горячего запах.

...Рано иль поздно война кончается,
ставя последним выстрелом точку.
Пушки умолкли. Ветви качаются.
Мир начинается с выстрела почки.

15. ГЛАВНАЯ НАГРАДА

Прожил я без вымарок
вот уже полста.
Знай же, хмурый выморок,
жизнь моя чиста.

Вся она просвечена
тысячами глаз.
До конца отвечено
в ней за каждый час.

Все душа запомнила,
ласку и битье.
До краев наполнены
емкости ее.

Были годы яркие,
были дни в тоске.
Возвращаюсь с ярмарки
я не налегке.

Похвалюсь поклажею,
нажитым добром —
тяжкой пулей вражьей
под седьмым ребром.

Не сосновой дачею
в пахринском раю —
похвалюсь удачею
в лискинском бою.

Похвалюсь не скутером
над крутой волной —
Хворощинским хутором,
вызволненным мной.

Хутор Хворощина,
старых три вербы...
Главная вершина
всей моей судьбы.

Главная награда
в жизненном пути.
Лучшей мне не надо —
лучшей не найти.

16. НЕ СДАВАЯ ПОЗИЦИЙ

Уж если мы случайно уцелели
На той войне, что столько унесла,
Давайте жить не ради малой цели —

Квартирных благ да сытого стола.

К лицу ли нам ловчиться-мелочиться,
Когда такой штормище пережит.
Когда еще прошедшее дымится.
И тень беды на будущем лежит.

Давайте жить, и в нежности и в яри
Не зная середины никогда,
Не мельтеша, как цыган на базаре,
Не метусясь, как квочка у пруда.

Чтоб не в одной Юрге да Юрюзани —
На всей земле порядок и уют.
Чтоб *там* они, *бессмертные*, сказали:
— А наши-то позиций не сдают!

17. ПО СЕРДЦУ МАТЕРИ

Лопочут старые осины
У растворенного окна,
Где мать печалится о сыне,
Забытой нежности полна.

Утихнуть боли той пора бы,
Белым-белы уже виски.
Но годы, годы, как прорабы,
Все строят храм ее тоски.

Сидит с поникшей головою,
А думы где-то там, вдали.
«В каком краю ковыль-травую
Пробился ты из-под земли?»

Пришла погладить бы, потрогать
Колючий русский вихорок.
Но как мне знать, какой дорогой
Ты шел из тысячи дорог?»

Все обминает, обминает
Клубок вязанья своего.
Все вспоминает, вспоминает
Ручонки белые его.

А бор, с низин туманы выбрав,
Стоит, теплом зари облит...
Опять война из всех калибров
По сердцу матери палит.

18. ТРИ СЫНА БЫЛО

Кружит над домом воронье
в рассветной дымке стылой.
Три сына было у нее.
Где нынче их могилы?

Три сына было. Три орла.
Всех трех давно взяла война.

Три моряка на трех флотах,
три командира в трех фортах.
Взяла и не вернула.
Морской волной слизнула...

Раскрыла, старая, окно,
читает Библию негромко,
в которую она давно
все три вложила похоронки.

Все ищет слово о сынах.
А ей твердят пророки,
что мир стоит на трех слонах,
а те слоны на трех китах,
а те киты плывут в морях
глубоких да широких.

В страницы ветхие глядит,
бубнит невнятно, глухо,
а про себя одно твердит,
свое твердит старуха.

Что мир стоит не на слонах,
а на ее на трех сынах,
а те сыны на трех флотах,
а те флоты при трех фортах,
а те форты на скалах,
от крови темно-алых.

И вера новая ее
дает ей в жизни силы...
Кружит над домом воронье
в рассветной дымке стылой.

19. ГЛЯЖУ ВСЁ ПРИСТАЛЬНОЙ

В пережитое Гляжу все пристальной,
Итожу Радости и невзгоды.
Как с кораблем, Отходящим от пристани,
Прощаюсь С каждым Прожитым годом.

День возле дня — Матросы на палубе,
Не мне судить, Хороши или плохи.
Только б не сгинули, Не пропали бы,
В десятибалльных Штормах эпохи.

20. ТЕМА ВОЙНЫ

Для меня эти годы не тема, а тьма,
неизбывная тьма над моею судьбою.
Я еще на войне. Я не вышел из боя.
Надо мной и поныне грохочут грома.

Для меня это стройка души — не строка,
для меня это бой в окруженье — не повесть.
Командарм фронтовой моей юности — Совесть —
приказал мне стоять до подхода полка.

До подхода резервов приказано мне
устоять, уцелеть в этой яростной вьюге.
А как сменят и выведут в тыл, на досуге
разрабатывать тему начну о войне.

21. НА ТОЙ ВОЙНЕ

На той войне, где были мы с тобой,
с раскрытым ртом в атаку не бежали,
за пять минут полки не окружали
на той войне, где были мы с тобой.

На той войне, где были мы с тобой,
по пригоршне на брата выдавали
патронов. Экономно воевали,
на той войне, где были мы с тобой.

На той войне, где были мы с тобой,
за все платили истинную цену —
за взятые в плен и за побег из плена,
на той войне, где были мы с тобой.

На той войне, где были мы с тобой,
не спирт, а сон был высшею усладой,
и даже смерть была порой наградой
на той войне, где были мы с тобой.

На той войне, где были мы с тобой,
и хлеб, и горе поровну делили.
Убыв на фронт, мы с фронта не прибыли.
Мы все еще на той войне с тобой.